

ВЛАСТЬ БЕЗ МОЗГОВ

СТАНИСЛАВ БЕЛКОВСКИЙ

ИМПЕРИЯ КРЕМЛЬ

КРЕПОСТЬ ИЛИ КРЕПОСТНАЯ СИСТЕМА?

Станислав Александрович Белковский
«Империя Кремль». Крепость
или крепостная система?
Серия «Власть без мозгов»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746012

Станислав Белковский. «Империя Кремль». Крепость или крепостная система?: «ТД Алгоритм»;
Москва; 2015
ISBN 978-5-4438-1044-7

Аннотация

Станислав Александрович Белковский – один из ведущих политологов России, писатель и публицист, директор «Института национальной стратегии». Белковский хорошо знает политическую кухню: политтехнологом он работал со многими российскими и украинскими политиками. Он любит и умеет эпатировать публику, его тексты вызывают бурные споры, а порою и скандалы.

Сейчас в России стремительно нарастает количество и масштаб всевозможных запретов, пишет в своей книге Станислав Белковский, – запреты охватывают все новые и новые сферы жизнедеятельности человека. Насколько эти запреты способствуют укреплению «империи Кремль», что будет, если в ней восторжествует «крепостная идеология»; как отразились на кремлевской империи события на Украине и санкции Запада, сможет ли она выстоять под натиском своих противников, – Белковский дает неожиданные ответы на эти вопросы.

Содержание

Империя и ее двойник	5
Монархия – мать русской демократии	5
Россия: трудная дорога к монархии	8
Империя и ее двойник	11
Политическая философия Александра Пушкина	14
Третья мировая как альтернатива	17
О победе России в Четвертой мировой войне	20
Справка ФСБ о Владимире Путине	23
«За Путина!»	23
Путин: кровавый и еще кровавее	25
Справка ФСБ о Владимире Путине	28
Путин между Брежневым и Горбачевым	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Станислав Белковский «Империя Кремль». Крепость или крепостная система?

На обложке – рисунок художника Максима Кантора

© Белковский С.А., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Империя и ее двойник

Монархия – мать русской демократии

Григорий Голосов инициировал очень правильную дискуссию: какая политическая система нужна России объективно, то есть независимо от шкурных интересов и/или субъективных этико-эстетических предпочтений сегодняшних (и завтрашних) политических акторов. Не могу не воспользоваться шансом к этой дискуссии подключиться.

По Голосову, оптимальная политическая система для России – это парламентская демократия, ограниченная возможностью обеспечивать единство политической воли в чрезвычайных ситуациях. Последнее предполагает механизм быстрой «концентрации власти в руках лица, не связанного коалиционными обязательствами и парламентской дисциплиной, но пользующегося прямо выраженным доверием народа».

Необходимость такого механизма объясняется тем, что Россия, с нашими залежами ядерного оружия, остается (на неопределенный исторический срок) сверхдержавой. А значит, грубо говоря, ядерный чемоданчик должен быть в одних руках: доверить его коллективному органу (парламентскому большинству или сформированному им кабинету министров) – невозможно. Детального описания такой модели Григорий Голосов пока не предлагает. Поищем, говорит.

С тем, что реальная демократия в России возможна только в условиях развитого парламентаризма, я согласен. Но есть два замечания, которые представляются мне существенными.

1. Посылка о сверхдержавности России как источнике внутривнутриполитических мотиваций, на мой взгляд, является ложной. Современная Россия – не сверхдержава. Обладание ядерным оружием не есть критерий сверхдержавности. Такое оружие сегодня есть, скажем, у Пакистана, а завтра может оказаться у КНДР. Но разве эти страны можно назвать сверхдержавами? Главный (и, по большому счету, единственный) критерий сверхдержавного статуса – это наличие возможности контролировать (мягче: удерживать в устойчивом поле влияния) определенную часть мира за счет распространения позитивных образцов: политических, военных, экономических, социальных, культурных. К сверхдержавам можно отнести, например, наполеоновскую Францию, покойный СССР, вчерашние и сегодняшние США. Но Россия не экспортирует позитивных образцов. Поскольку она их не создает и не воспроизводит. РФ даже региональной державой уже не является: у ближайших соседей все чаще можно найти настроение «посмотри, как в России, – и сделай наоборот». Потому оглядываться на мнимый (утраченный) статус страны при проектировании нашей политической системы едва ли необходимо.

2. Наряду с демократией и «логикой чрезвычайного поведения» политсистема должна ответить на еще один проклятый вопрос – об устойчивой легитимности власти. На этом предмете я хотел бы остановиться чуть подробнее.

Мы помним – было даже на нашем веку – периоды частичной (временами – почти полной) нелегитимности нашей власти. Так было при позднем Горбачеве и неоднократно – при Ельцине. А вот Путин никаких проблем с легитимностью не испытывал. Хотя и как личность, и как политик он куда слабее того же Ельцина, на мой взгляд. Значит, дело не в свойствах правящих личностей или, по крайней мере, не столько в них, сколько в исторических условиях формирования представлений о легитимной власти в России.

Глубинная анархическая природа русского человека не позволила русским сформировать имманентную власть, легитимность которой коренится в волеизъявлении нации. Со вре-

мен призвания варягов легитимная русская власть традиционно была не имманентна народу, а трансцендентна ему. Легитимность в России исторически базируется на этой самой трансцендентности. Механизм обеспечения которой – монархический ритуал. Он достаточно сложен и многогранен, но я бы выделил три его основные составные части:

а) эксклюзивность инстанции верховной власти (монарха): у монарха не может быть прямых, допускаемых им самим соперников, претендентов в реальном времени на его престол;

б) непогрешимость монарха: объектом критики может быть кто угодно и что угодно, включая политику монарха и ее последствия, но только не инстанция верховной власти как таковая;

в) независимость монарха от имманентных систем и институтов, например, политической и правовой систем; в частности, это значит, что исключительно сам монарх наделён правом не только выбирать себе преемника, но и формировать самоё логику выбора; народу об этом знать ничего не нужно и даже вредно.

Власть в России всегда была устойчиво легитимной, когда монархический ритуал соблюдался. И стремительно теряла легитимность вслед эрозии ритуала. См. Смутное время, 1917 год, рубеж 80—90-х годов прошлого века. Путин (точнее, коллективный Путин) в начале уходящего десятилетия восстановил легитимность президентства не благодаря каким-то тайным личным достоинствам и заслугам (наличие которых вызывает большие сомнения) самого главы государства, а благодаря возрождению – осознанному и бессознательному – единственного правильного ритуала власти (пп. а) – в)). Частичные же проблемы с легитимностью нынешнего Медведева связаны с эрозией ритуала, по крайней мере, по пункту а). (Двух или полутора царей народное сознание вынести не может, необходим строго один).

Итак, ключевой вопрос: как совместить монархический ритуал, который есть необходимое условие устойчивой легитимности власти и, соответственно, стабильности системобразующих конструкций государственности как таковой, с подлинной, неимитационной демократией?

Мой вариант ответа: только в рамках конституционной монархии.

Политическая система при конституционной монархии в России может выглядеть примерно так. Законодательная власть – у двухпалатного парламента. Нижняя палата – Государственная Дума – избирается раз в пять лет по смешанной (пропорционально-мажоритарной) системе. Верхняя – Сенат – формируется из представителей законодательной и исполнительной власти регионов. Госдума сама, без какой-либо внешней помощи формирует федеральную исполнительную власть – правительство, назначает премьера и ключевых министров. Она же отправляет правительство в отставку. Аналогичная схема воспроизводится в регионах: законодательные собрания назначают региональных премьеров. Которые становятся уже не главами регионов (с концепцией делимого суверенитета пора проститься), а главами исполнительной власти регионов.

Наконец, монарх. У него три основные функции:

- верховный главнокомандующий Вооруженными силами, которому в военное время непосредственно подчиняются войска;
- право роспуска Государственной Думы при наличии для этого конституционных оснований; например, если Дума в течение определенного срока не смогла сформировать федеральное правительство;
- назначение судей.

Последнее позволит сделать первый шаг к реальной независимости третьей власти от первых двух.

Монарх в состоянии быть тем самым лицом, которое, по Григорию Голосову, концентрирует в своих руках особые полномочия в чрезвычайных ситуациях. От коалиционных обязательств он свободен по определению, доверие же к нему со стороны народа будет определяться самим институтом монархии, а не персоной, занимающей трон.

Вот такое предложение к дальнейшему обсуждению. Только, если можно, не надо приводить аргумент, что конституционная монархия – это утопия. Давайте не будем забывать: Россия – страна реализуемых и реализованных утопий.

2010 г.

Россия: трудная дорога к монархии

Наверное, ничто так не порадовало автора этих строк, как результаты голосования на Slon.ru об оптимальной форме государственного устройства России. Почти 40 % участников опроса предпочли конституционную монархию (главный соперник – вариант «демократическая республика» – получил в полтора раза меньше голосов). Судя по всему, активная мыслящая часть нашего народа начинает мыслить в правильном направлении. Почему это направление правильное и отчего именно конституционная монархия – будущая мать русской демократии, я пытался подробно рассказать вот здесь в июле 2010 года, в рамках дискуссии, инициированной Григорием Голосовым. Так что кому, как не мне, радоваться уверенному росту конституционно-монархических настроений!

Не пересказывая подробно те июльские тезисы, повторю идею вкратце: чтобы в Россия состоялась эффективная легитимная демократия, надо и необходимо, чтобы сакральный контур верховной власти, символически воплощающий стабильность государства и неизбежность основ его исторического бытия, был отделен от исполнительной и законодательной властей. Такой вариант возможен только в условиях конституционной монархии, где первое лицо – монарх – лишен как исполнительно-распорядительных функций, так и возможности влиять на принятие законов (за исключением Основного закона), но при этом воплощает трансцендентность верховной власти, что для традиционного русского политического сознания синонимично ее легитимности. Кроме того, монарх:

- является Верховным главнокомандующим Вооруженными силами во время войны;
- наделен некоторыми правами верховного политического арбитра, например, правом роспуска нижней палаты парламента в ситуациях тупиковых политических кризисов;
- назначает судей (благодаря чему третья власть становится-таки независимой от первых двух).

Многие относятся к полемике о государственном устройстве будущей России как к занятию сугубо схоластическому, и отчасти они правы. Но лишь отчасти. Да, и 25 лет назад любой умный скептик сказал бы, что обсуждение посткоммунистического бытия страны лишено практического смысла, ибо «посткоммунистическое» при нашей жизни не наступит. Но вот как-то очень быстро пришел 1989 год, и...

Нечто похожее совершается и сегодня. Я все больше убеждаюсь, что страна уже находится внутри процесса, который можно определить как «перестройка-2». О некоторых важных предпосылках и чертах этого процесса – см. здесь. Опять же, важно терминологически определиться на берегу. Перестройка – это не революция сверху, как многие почему-то думают. Перестройка – это, скорее, нечто прямо противоположное. Это – попытка правящей элиты сохранить существующий строй в условиях, когда неэффективность строя уже стала очевидной самим элитам. Перестройка – это расползание основ существующей политико-экономической системы, которое правящее меньшинство пытается отчасти купировать, отчасти игнорировать, – пока, как сказал бы новейший классик, процесс распада системы не принимает очевидно необратимого характера. Так всё и происходило и в СССР конца 1980-х. Так все происходит и сегодня.

Не будем трогать все аспекты/элементы перестройки-2, коснемся одного: делегитимации инстанции верховной власти. В 1989–1990 гг. была делегитимирована власть Политбюро ЦК КПСС. Почему? Потому что источником этой легитимности были «вечно живое» (единственно верное) учение и сам по себе советский (коммунистический) проект. «Советский» и «коммунистический» – это, бесспорно, не одно и то же, но в контексте этого нашего обсуждения разница несущественна.

Как только системообразующее учение перестало быть единственно верным, а коммунистический проект выпал из реальности, сразу стало понятно, что оснований для власти Политбюро больше нет, а каждая союзная республика вправе сама решать, как ей интегрироваться в «цивилизованный мир» (то есть в победивший капиталистический проект). Последний гвоздь в гроб коммунистической идеократии забил Михаил Горбачев весной 1990 года, введя «светский» (не вписанный в идеократию) пост президента СССР и тем самым лишив эксклюзивности сакральный контур власти в лице партийных инстанций. Сейчас мы наблюдаем частичную делегитимацию президента РФ. Действующий глава государства воспринимается все менее серьезно и более забавно. Его публичные слова стремительно теряют какую-либо вещественную ценность.

Но дело здесь не в личных качествах Дмитрия Медведева и не в его склонностях к электронным игрушкам последнего поколения. И даже не в восприятии власти как увлекательной компьютерной игры. Глубинных причины делегитимации – две. Общая и частная.

Общая – это объективное начало исторического процесса перестройки-2, неизбежно (на первом этапе – вопреки желанию элит) ставящего под сомнение все основополагающие институты, политико-социальные конструкции длящейся/уходящей эпохи. Частная – это так называемый тандем. Конструкция власти, в которой на не вполне понятных основаниях, зато с правом решающего голоса присутствует «другой президент», нарочито воспринимаемый многими как «настоящий правитель». В данном случае – Владимир Путин, но, опять же, персоналии здесь не имеют определяющего значения.

Русское политическое сознание не приемлет двух царей. Царь может быть только один. Если царей больше одного – ни один из них уже не может считаться настоящим, что бы ни говорила по этому поводу пропаганда, официальная или антиофициальная. Сам факт наличия тандема – пусть и не в институциональном, а исключительно в мифологическом качестве, разницы нет – подорвал основания легитимности существующей власти и тем самым способствовал распространению перестроечных ощущений и настроений. Путин, с точки зрения логики и интересов системы, совершил огромную ошибку, не уйдя – вопреки, как я по-прежнему уверен, его личным желаниям и приоритетам – полностью от власти в 2008 году. «Тандемократия», изначально призванная зацементировать каркас сегодняшней власти посредством некоего сочетания в ней «старого» и «нового», сыграла в истории прямо противоположную роль.

И что бы ни происходило дальше – объявит ли 18 мая Медведев о своем втором сроке, отправит ли он в отставку путинское правительство или, напротив, Путин решит возвращаться в Кремль, – разрушительных последствий «тандемонизма» этот режим полностью уже не изживет и не преодолет. Это значит, что следующему (с мая 2012 года) президенту России, кто бы им ни оказался, придется снова ставить вопрос о восстановлении легитимной верховной власти. С определенного момента этот вопрос игнорировать уже будет нельзя – если, конечно, не дожидаться момента, пока верные генералы не уговорят тебя отречься от престола, а бывшие коллеги по ЦК КПСС не сообщат, что твоего государства больше не существует.

Стало быть, президент должен будет собрать Конституционное совещание или хотя бы Круглый стол, где будет обсуждаться уже постпостсоветское устройство России. И на этом совещании, оно же стол, вполне может выясниться, что единственный вариант релегитимации власти – призвание монарха. Который восстановит историческую преемственность базовых символических конструкций русской имперской власти. А единственная альтернатива такому признанию – отказ от имперской парадигмы и переход к национальному государству. С официальным признанием русского национализма главной государственной идеологией и движущей силой госстроительного процесса.

Если Россия остается империей (в правовом формате конституционной монархии), то она – органическая наследница своего прошлого. Включая советский период. «Так было, и так будет». С учетом того, что конституционная монархия следующих времен де-факто явится классической парламентской демократией. Если Россия становится национальным государством, то она отказывается от части собственного прошлого и переходит в проектную фазу нового государственного строительства, «с нуля». «Так не было, но так будет». Поскольку национализм в истории – вернейший спутник и щедрый донор демократии, концепция национального государства в России может привести к слому извечной модели трансцендентности верховной власти и превращения этой власти в имманентный институт – не от Бога, но народа, от той самой нации как сообщества политически равных, цивилизационно и культурно однородных людей.

Да, для власти сегодняшней не существует более сложных вопросов, чем те, ответ на которые можно найти в «Википедии». Но мы-то должны заглядывать чуть глубже. И лучше сделать это чуть-чуть заранее, чтобы, желательно, не в последний момент. Не тогда, когда уже совсем поздно.

2011 г.

Империя и ее двойник

Мыслить штампами катастрофически удобно. Ибо так очень легко примириться с окружающим тебя политическим/околополитическим пейзажем. А главное – собственным местом в нем.

Например. Много лет подряд российский истеблишмент пестовал миф о том, что в российской власти существуют две основные группировки: «либералы» и «силовики». Первые – хорошие, вторые – плохие (или наоборот, в зависимости от позиции наблюдателя). От первых исходят экономические реформы, подоходный налог в 13 % и дружба с Западом. От вторых – уголовные гонения на бизнес, милитаризм и самоизоляция. И, конечно, «силовики» давно бы уже сбросили атомную бомбу в самое сердце Европы, если бы либералы их не сдерживали.

По собственному опыту знаю: очень непросто отстаивать альтернативную точку зрения о том, что нет идеологически противостоящих друг другу «либералов» и «силовики», а есть лишь множество кланов и кружков по интересам. И когда надо – из чисто практических соображений – «силовик» у нас легко становится «либералом», а «либерал» – «силовикиком».

Всякого носителя такой альтернативщины стремительно записывали в интеллектуальную службу какого-нибудь мрачного субъекта (чаще всего все тех же мифических «силовикиков»).

Шли годы, смеркалось. И в какой-то момент героическая схватка «либералов» с «силовикиками» куда-то рассосалась. Мы перестали о ней знать и вспоминать. Штамп вышел из моды и перестал быть орудием описания этой реальности.

Впрочем, давно уже выросли и взяты на вооружение другие штампы. Которыми так же удобно оперировать для вторичного смесительного упрощения (© К. Леонтьев) всего и вся. Например, миф о том, что современная Россия практически вернулась в СССР. Что РФ – это Советский Союз, версия 2.0.

Доказательства: в Российской Федерации, как и в СССР, есть проблемы со свободой слова, собраний, политической деятельности, слышен грозный рев в одночасье восставших из пепла несметных войск, способных сокрушить все живое, а главное – проявления и продукты советской эстетики на каждом шагу. При президенте Путине мы начали возвращение на всеобщую историческую Родину и вот наконец вернулись. Enjoy.

А если разобраться?

Общие симптомы двух болезней еще не означают их тождества или хотя бы близости. Голова может болеть с похмелья, при мигрени и от опухоли мозга. Однако диагнозы в трех приведенных случаях – существенно разные, как и методы лечения. И не дай Бог перепутать опухоль с похмельем.

Попробуем разобрать ситуацию по пунктам, чтобы убедиться: Россия – это не СССР 2.0, а страна более чем антисоветская. Поверхностные черты сходства никак не должны отвлекать нас от осознания глубинных, сущностных различий.

1. СССР был идеократией – своеобразным религиозным государством, где высшая власть принадлежала институтам религии коммунизма (разноуровневым комитетам КПСС). Как многие уважающие себя религии, коммунизм претендовал на глобальность и экстерриториальность. Согласитесь, государство с названием «Союз Советских Социалистических Республик» могло бы возникнуть с любой части мира, ибо в этой формуле нет никакой географической привязки. Власть в СССР предметно руководствовалась господствующей идеологией в своей деятельности.

РФ – государство типично светское, без какой-либо преобладающей идеологии, тем более – религиозного свойства/толка. Идеократии у нас нет и в помине. То, что формально

именовалось идеологией в постсоветские годы, – почти забытая ныне «суверенная демократия» и т. п. – являло собою лишь набор пропагандистских конструкций, призванных объяснить отдельные действия власти. Но власть от такой псевдоидеологии было совершенно независима. И списывала очередную «концептуальную» модель в утиль, как только для того улучшалась практическая возможность.

Советский Союз неудержимо двинулся к своему развалу, когда (конец 1980-х гг.) выяснилось, что коммунизм таки не победит, а стране придется становиться банальной частью «цивилизованного человечества». Для чего, разумеется, идеократия становилась препятствием, подлежащим устранению со столбовой дороги истории.

РФ изначально строилась на стремлении интегрироваться в «цивилизованное человечество». И нынешние попытки отбрыкаться и отблехаться от глобального «старшего брата» обусловлены не какими-то существенно новыми идеями, обрушившимися на нас метеоритным потоком из ночных глубин русского космоса, а внезапным осознанием, что строить мегакоррупцированную страну третьего-четвертого миров и одновременно сидеть на высокой скамье европейской цивилизации – нельзя. По крайней мере, весьма затруднительно.

2. В развитие п. 1, но отдельно, чтобы первый пункт не показался читателю слишком длиннотным. СССР предлагал миру некий универсальный проект. И выступал экспортером этого проекта. РФ ничего такого не делает. Единственный предмет ее цивилизационного экспорта – это коррупционно-отмывательные технологии. Но и здесь нет эксклюзива. Многие страны на разных континентах освоили коррупцию и ее производные не хуже нашего.

3. Советский Союз был, по сути, детищем и последствием двух мировых войн. Он принадлежал эпохе модерна, где все настоящее – война и революция, плоть и кровь, любовь и смерть. Российская Федерация – детище и последствие холодной войны, проигранной СССР. Она принадлежит эпохе постмодерна, где игрушечное превалирует над настоящим. В войне и мире, крови и лимфе. Только смерть остается самой собою, как водится и всегда.

4. В силу пп. 1–3, РФ, в отличие от СССР, не может быть империей. Можно сколько угодно фантазировать на эту тему, только фантазии невоплощаемы в жизнь. Кроме того, РФ не может быть империей согласно второму началу термодинамики (грубо говоря, разбитая чашка сама собой не может собраться из осколков). Эту мысль я развивать сейчас не буду, т. к. она сложновата даже для меня самого. Пытливому читателю хочу для начала адресовать к словарям. А в обозримом будущем, Бог даст, вернемся к теме.

5. СССР строился на относительно низком уровне коррупции. РФ отличается высоким уровнем коррупции, лежащий в основе нашей экономики РОЗ (Распил, Откат, Занос). Которая предполагает, что коррупционные соображения – именно они – служат ключевым мотивом принятия многих важных и важнейших политико-экономических решений.

Если коррупционные надежды и чаяния подточили советскую бюрократию и властную машину в целом (во второй половине 1980-х), то в России дело обстоит ровно наоборот: если вдруг в некий День гнева коррупция будет упразднена (чудесным образом, поскольку иного варианта пока не видно), аппарат госуправления схлопнется, ибо исчезнет сам смысл его существования.

6. Советская экономика была гигантским механизмом обслуживания своей сердцевины – военно-промышленного комплекса. Позволявшего нашим Вооруженным силам делать свое главное дело – ждать большой войны с целью обеспечения мира во всем мире.

РФ-экономика есть механизм обслуживания своей сердцевины – нефтегазового комплекса. Отрасли и сферы, в которых нефтегазовый комплекс особо не нуждается, неизбежно отмирают. Можно считать доказанным, что все многолетние разговоры о «диверсификации экономики», «новом технологическом укладе» и т. п. – заведомый фарс и блеф. Имеющий такое же отношение к реальной политике, как всякая «суверенная демократия» – к государственной идеологии.

7. В Советском Союзе деньги играли второстепенную роль. В Российской Федерации они определяют всё или почти всё. Превратившись из экономического инструмента в сакральную субстанцию, способную, как и положено всякой субстанции такого рода, обеспечивать физическое бессмертие. Систему власти в России можно описать как монетократию – господство денег.

8. СССР ориентировался на автаркию, т. е. полное обеспечения себя всем необходимым – от ядерных ракет (хороших) до легковых автомобилей (плохих, но все же своих) и колбасы (по-разному). РФ же изначально ориентировалась на импорт всего, что слишком дорого и мучительно делать дома при избранной модели экономики. Потому сегодня РФ совершенно зависима от Запада, прежде всего технологически. И коллективный рогозин, на полном серьезе рассуждающий о некотором стремительном «импортозамещении», просто морочит голову – если не себе, то наиболее доверчивым из сограждан.

9. Постсоветская РФ-элита – это корпорация по утилизации советского наследства. Только одни приватизировали нефтяные месторождения и НПЗ, вторые – мясокомбинаты, а третьи – культурные символы и эстетические образцы. Поиски высокой несоветской эстетики начались вовсе не с Путина, а с культовых программ нашего телевидения 1990-х годов: «Старые песни о главном» и «Намедни 61–91». Именно там СССР был очень талантливо показан как сусальная страна нашего детства, а не мрачное вместилище таежного ГУЛАГа. Национальный лидер стал во многом ответом на эти «Старые песни». Паразитическая эпоха, начавшаяся в конце минувшего века и устоявшаяся в нулевые годы столетия нынешнего, попросту не могла создать собственных символов и потому приспособила для своих нужд надежные советские, слегка модернизировав их. Но это вовсе не является истинным возвращением в СССР.

10. Пародист может быть очень способным и профессиональным, но не может взаправду занять место пародируемого артиста. Жанры не пересекаются. Как и эпохи.

2014 г.

Политическая философия Александра Пушкина

Некоторые, заметные многим свежайшие перемены во внешне-внутренней политике нашего Отечества влекут за собой последствия, и весьма благоприятные – только не осознаваемые нами сразу и совершенно.

Благодаря ужесточению позиций властей по многим вопросам, равно как и безупречному единению огромного большинства народа вокруг темы «Крым наш», публицист-комментатор получил возможность не заморачиваться текущими политическими интригами и скандалами, которым еще недавно он уделял столько безжалостного времени. В конце концов, кому будут нужны все эти мелкие сюжеты хотя бы год спустя, и стоит ли изводить на них, вместе с компьютерной памятью, благосклонное внимание окружающих? Нынче есть возможность заняться сюжетами большими, историческими, и вряд ли стоит упускать такой момент.

Еще недавно мы могли считать, что главное событие 6 июня 2014 года – это, скажем, саммит в Нормандии, где серьезные мировые лидеры собираются в честь 70-летия высадки союзных антигитлеровских войск. И судьба мира, особенно в украинской его части, во многом зависит от того, получится ли разговор Барака Обамы с Владимиром Путиным. А если получится, то каким – по духу, тону и психологии.

А сейчас мы можем вспомнить, что союзники высадились в Нормандии как раз в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, и посвятить часть своих переживаний – ему.

Повод вспомнить Пушкина в России есть всегда. Каждый день. Но сегодня я привлек бы внимание читателя к тому, что А. С. – в некоторой степени основоположник, классик и систематизатор российской политической философии. В том смысле, что он прежде многих дал нам незамутненный общественно-политический портрет базового обитателя наших тутошних мест – русского человека. Наш общий и отдельный портрет.

Если мне когда-нибудь пришлось бы преподавать любознательной молодежи что-то из политической теории, я начал бы с курса Пушкина. Или даже с совета перечитать нашего главного классика.

Если какой въедливый критик зачем-то заинтересуется этим текстом, он сможет сказать мне, что сам термин «политическая философия» использован здесь весьма условно и не вполне точно. Готов принять этот упрек сразу и с гнетом его двигаться дальше. «Пугливыми шагами».

1. А. С. Пушкин дал и показал нам важнейшую русскую общественно-политическую идею – идею инобытия.

Политика, в общем, находится за гранью русской практической реальности, она же и повседневность. Понятия типа «местное самоуправление» или «гражданские обязанности» звучат слишком скучно и оттого нам несколько чужды. Вот войны, революции, всякие прочие фатальные катастрофы – это то, что надо. Чтобы оказаться в политике, русский человек должен выйти за пределы своего банального наличного бытия и оказаться в некоем зазеркалье. Этим мы существенно отличаемся от европейцев.

Тяготение к инобытию проявляется в доминировании двух важных склонностей, живущих в русском человеке бессознательно: а) к самозванству; б) к побегу.

Самозванство – это решительно-отчаянная попытка найти себе альтернативную идентичность. Потому что изначальная идентичность, данная Богом, родителями и страной, вполне устраивать не может. Русский человек вообще любит не ценить то, что у него есть, и ценить то, чего нет. В этом плане мы – стихийные реформаторы, чей порыв в иное измерение сдерживается крепостью и суровостью нашего исторического государства. Как только хватка государства ослабевает, начинается такое переустройство, что хоть святых выноси.

«Борис Годунов» дает нам сразу двух самозванцев, связанных между собою подобно головам державного герба. Самозванец – не только Григорий Отрепьев, но и сам царь Борис, тоже получивший трон не вполне корректным образом. Притом настоящий, правильный самозванец всегда отличается тем, что верит в собственную альтернативную идентичность чуть более, чем полностью. Вроде как на самом деле считает себя царем или кем-то еще подобным. В этом смысле уже и не так важно, кем самозванец является на самом деле. «Димитрий я или нет, что им за дело?» Самозванец – большой актер, который на сцене полностью перевоплощается в персонажа, становится неотделимым от него. Главное – чтобы спектакль продолжался как можно дольше, в идеале – до земной бесконечности. И Емельян Пугачев, пушкинский и непугачевский, никогда не добился бы стартовых побед, если бы не объявил себя Петром III. Ведь какой толк в нашей России жить и гибнуть НЕ за царя?

Не случайно, как принято считать, именно Пушкин дал Гоголю сюжет «Ревизора».

Самозванство – это форма побега, так сказать, по вертикали. Из одного существа – в другое. А есть и побег по горизонтали, тоже проявление тяготения к инобытию. «Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег». Куда бежать – непонятно, но важно не терять надежды, что побег все же возможен. Здесь – природная русская клаустрофобия. Выражающаяся хотя бы в том, что всякое расширение территории считается благом, независимо от последствий. А всякое сокращение территории порождает рефлекторное удушье. Каким будет наше счастье, если – и когда – мы все-таки прорвем турецкие проливы (Босфор, Дарданеллы) и окажемся прямо на Средиземном море, о!

Еще формы вертикального побега – безумие (Германн в «Пиковой даме», Евгений в «Медном всаднике»). И, конечно, смерть. Которая в России бывает вполне предпочтительнее обыденной жизни.

2. Добрый русский царь – это злой царь.

Государство не воспринимается нами как друг, сподвижник или тем более слуга. Оно – строгий учитель. Призванный выбить из нас природную дурь всеми доступными и недоступными способами. Фамильярность с учителем невозможна, иначе его указки перестанут бояться. Страх – основа легитимности. Мы часто благодарны злему царю за добрую науку, но не спешим благодарить за милости и послабления, которые более свойственны правителям ничтожным. «Я думал свой народ в довольствии, во славе успокоить, щедротами любовь его снискать, но отложил пустое попечение: живая власть для черни ненавистна. Они любить умеют только мертвых – безумны мы, когда народный плеск или ярый вопль тревожит сердце наше!» («Борис Годунов»).

Уже, кажется, все сказано про Иосифа Сталина, но мы не перестали его премного уважать. Один очень известный актер, ныне, увы, уже покойный, жаловался на то, что очень хотел сыграть Сталина смешным – но это так и не получилось. А вот сделать посмешище из Горбачева или Ельцина – чего проще! Нынешняя власть это во глубине души хорошо знает. Образование и всякое прочее здравоохранение – абстракции, подлинная цена которых неясна. То ли дело национальная безопасность – вот это вещь конкретная. Чтобы народ не вышел из берегов, его надо держать в узде, во его же собственное благо. Ибо без строгого (м)учителя-государства заблудится этот народ в истории, потеряется и пропадет. А еще одной революции мы не переживем.

3. Волшебный фарт – вот двигатель русской души.

В России ничего не может быть постепенно, умеренно, аккуратно. Всякие слишком длительные реформы обречены уже потому, что они длительные. Счастье достигается только чудесным образом, оно не есть банальный результат протяженного эволюционного пути.

«Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои верные три карты» – заговаривает себя Германн в «Пиковой даме». Но заговаривает напрасно. Три карты, действительно способные

изменить его судьбу, – тройка, семерка, туз, иначе никак. Он идет на авантюру, ведущую к безумию и смерти. Это лучше, чем расчет, умеренность и трудолюбие.

Не обещайте русскому народу долгих лет добросовестного труда. Обещайте чудо: в него поверят гораздо скорее – и простят вас, если (и когда) чуда не произойдет. В крайнем случае, всегда можно убедить себя, что оно-то и свершилось.

4. Земная власть не ограничена никем и ничем, кроме власти неземной. Над людьми земная власть тотальна, перед неземной – ничтожна. В этом смысле тотальность и ничтожество – одно целое.

Вот, к примеру, «Медный всадник», политический пейзаж с наводнением. «В тот грозный год покойный царь еще Россией со славой правил. На балкон печален, смутен вышел он и молвил: с Божией стихией царям не совладеть».

5. Главное русское счастье – вовремя уйти. Уйти по собственному выбору, а не по воле других. Здесь мы вновь обращаемся к побегу.

«Блажен, кто праздник жизни рано оставил, не допив до дна бокала полного вина, кто не дочел ее романа и вдруг сумел расстаться с ним» («Евгений Онегин»).

Я всегда считал «Моцарта и Сальери» пророчеством о самоубийстве Пушкина. А Дантеса – орудием и другом Александра Сергеевича. Хотя, возможно это вовсе не так.

О политической философии Пушкина еще можно написать диссертацию. Но сейчас это все так дискредитировано... Подождем лучших времен.

Ждать – также одно из любимых русских занятий.

2014 г.

Третья мировая как альтернатива надоевшему миру

Намедни мой давний приятель, ветеран русской журналистики Игорь Дудинский, написал манифест о войне. Ключевой фрагмент манифеста такой:

«Война – сакральная святыня русских. Недаром у нас такое трепетное, болезненное отношение к Победе. Дискредитируя последнее, что у нас осталось, власть окончательно добывает творческий потенциал нации. Уж так исторически сложилось, что только война позволяет русским проявить свои лучшие человеческие и метафизические качества. Вне войны у нас связаны руки и обрезаны крылья. В “мирное” время мы лишены возможности заявить о себе как нация. Поэтому война – наше естественное, созидательное, пассионарное состояние.

Закончится война – и от нашей сегодняшней окрыленности и вдохновения не останется и следа. Мы снова превратимся в рабов системы».

Со сказанным можно спорить, но классик на то и классик, что всегда дает повод и причину порассуждать.

Последние 25 лет мы, как теперь выясняется, жили хорошо. Даже слишком хорошо.

Большие войны прошли мимо нас. Точнее, они достались и нам, но как-то больше по телевизору. Главный пропагандистский тезис брежневских времен «лишь бы не было войны» вошел в наш позвоночник достаточно глубоко, чтобы мы не мечтали о радикальных приключениях.

Чем мы занимались эти 25 лет? Жили.

В процессе проживания к нам приходили то хапон и пармезан, то нищета и депрессия, то «Санта-Барбара» и богатые, которые тоже плачут, то выборы и их результаты, то отказ от выборов и совершенное политическое спокойствие. Но война как-то ушла с переднего плана. Она осталась в прошлом. В настоящем сохранилась Великая Победа – нужная, впрочем, для того, чтобы никогда-таки больше не было войн.

И Советский Союз мы распустили вроде как бескровно, потому что слишком боялись именно повторения большой войны. Правда, в Приднестровье, Закавказье, Центральной Азии какие-то войны за советское наследство произошли. Но не у нас, не в центре, не в метрополии. Брежневское воспитание помешало нам всесторонне втянуться в процесс сражений. Мы решили жить ради жизни, тихо, по-обывательски. Мы радовались сугубо мирной радостью и грустили гражданской грустью.

Забыв о том, что после 1945 года, согласно официальной статистике, у человечества было только 26 мирных дней. И это – не учитывая всякие незарегистрированные вооруженные конфликты где-то в дебрях Вселенной. А у нас – целых 25 лет! Но может ли так продолжаться до бесконечности? Тезисы Леонида Ильича забыты, а мир должен доказать свою несостоятельность. Сейчас у нас тут, в наличном и окружающем русском человечестве, пахнет войной. И не маленькой, которая идет скромной кровью на чужой территории, а очень большой, даже если это пока не так заметно.

Есть всякие теории, которые объясняют войну рационально. Дескать, люди берутся за оружие, чтобы переделить какие-нибудь территории, ресурсы, сферы влияния и т. п. И не жалко этим людям жизни своей ради ресурсов, которые им после смерти уже никогда не достанутся.

Такие теории имеют право на существование. Как и другие, согласно которым война – просто одно большое благо. Потому что значительную часть человечества куда проще убить, нежели прокормить. Вот почему и возникают периодические войны – с целью оптимизировать численность нашего прожорливого биологического вида. И, кстати, совсем не случайно

Европа, которая после 1945-го зареклась устраивать большую войну на своей территории, отличается такой умеренной рождаемостью. Чем меньше людей родится – тем меньше их (нас) придется, в крайнем случае, убивать.

Но есть и другой комплекс теорий. Объясняющий, почему так война – естественное состояние человека. Существа, стремящегося к войне и порождающего ее постоянно, несмотря на все прекраснотушные аргументы о вреде массовых убийств.

Здесь надо привести сразу несколько соображений.

Во-первых, война придает человеческой жизни абсолютный, целостный смысл. Вот живешь ты себе, тянешь лямку, встаешь по будильнику, смотришь телевизор, забираешь детей из вечногo сада, снова ложишься спать, уже под рюмку водки. Эта реальность, в которой один день не отличается от другого, бессмысленна. Твоя жизнь в ней не отличается от любой другой. Ты принужден постоянно думать, почему существуешь ты – маленький обыватель, не совершивший подвигов и не стяжавший славы. Совсем иное – война. Здесь ты совершаешь подвиг каждый день, даже если сам не пребываешь на фронте. Выжил – уже подвиг. И всегда можно будет рассказать потомкам, что ты прошел войну. Круто.

«Я хожу, чтобы, с этой книгой побыв, из квартирногo мирка шел опять на плечах пулеметной пальбы, как штыком, строкой просверкав».

Во-вторых, война приносит человеку столь необходимую людской голове ясность. В мирной жизни полно всяких нюансов и полутонов. То ли сосед хороший человек, то ли плохой – в общем, прямых формальных и логических оснований ликвидировать его на первый взгляд нет. Во время войны есть ты – и есть враг. Как и почему он оказался твоим врагом – не важно, этот вопрос подлежит анализу мирной жизни, которая во время войны забывается. Сделал врагу плохо – значит, у тебя все хорошо.

В-третьих, война обесценивает конкуренцию за мирные блага. Чем примиряет человека с его неудовлетворительным бытием. Какая разница, есть ли у тебя / твоего соседа большой дом, если его можно разрушить одним попаданием снаряда, или красивая машина, в мгновение ока превращающаяся в металлолом. Что, в сущности, есть для войны карьера, добытая в мирное время? Фикция и блеф. На войне важно, кто выстрелит первым и максимально точно. А перед лицом пули все регалии, звания и прочие активы мирного времени прочно теряют смысл. «Все слиняло, один голый человек остался», – как говорил персонаж пьесы А. М. Горького «На дне».

В-четвертых, только война обнажает саму ценность физической жизни. В мирное время человек длит ее каждый день, не очень понимая, чего бы ему завтра не умереть – днем раньше, днем позже, не все ли равно. Только на войне важно выжить, потому что иначе нельзя победить врага. А победить его надо обязательно. Чем ближе смерть, тем сильнее и явственней работает инстинкт самосохранения.

В-пятых, война позволяет перезагрузить жизнь посредством умолчательного списания грехов. Ну и что, что при мирной жизни ты был пьяницей, вором или даже мелкобытовым убийцей? Ты пошел на войну – и все это исчезло. Ты начал жизнь с нуля. Если погиб – мертвый герой, выжил – живой. Но все равно типа герой. В любом случае, ты имеешь право не спрашивать себя, почему ты так бестолково жил до войны и вместо нее. Это ли не счастье?

В-шестых, война дает острое чувство принадлежности к общности себе подобных. Еще вчера ты ненавидел Сидора Петровича с пятого этажа за то, что его прыщавая дочь слишком громко играет на расстроеном пианино. А сегодня вы вместе идете уничтожать врага, и проклятушие гаммы сливаются в сладостный марш победы. Ты понимаешь, для чего судьба объединила тебя с Сидором Петровичем под одной жизненной крышей. Вы просто ждали войны, чтобы пойти на нее вместе и умереть, если получится, в один день.

В-седьмых, война обостряет все ощущения. Ведь каждое из них может оказаться последним. Один знакомый мне авантюрист всячески пропагандировал идею секс-туризма

в места боевых действий – ведь такого оргазма, как под грохот канонады, больше ни при каких обстоятельствах не бывает. Если этот бизнес еще не налажен, скоро, возможно, для него создадутся все достаточные условия.

Пролонгация мирной жизни – это безумно скучно. Ожидание войны сравнимо с ожиданием праздника. Оно главнее, больше и удивительнее, чем сам праздник.

Вот почему мы, типа великий народ, потерявший за 25 мирных лет ощущение собственного величия, снова подошли к грани представления о пользительности сражений. И это, конечно, вовсе не маленькая война за независимость условных сопредельных территорий. Это совершенно новая мировая война.

По итогам которой выжившие снова захотят мира, хамона и пармезана. Если эти слова сохраняют хоть какое-то положительное значение.

2014 г.

О победе России в Четвертой мировой войне

Девятое ноября (1989) – день, когда рухнула Берлинская стена, – мог бы стать главным национальным праздником Российской Федерации. Вместо случайного, бессодержательного и безликого 4 ноября.

Девятое ноября – фактический день окончания Третьей мировой войны, она же холодная война. (Да, не будем обманываться, Третья мировая у нас не в будущем, а в прошлом.) Та великая война завершилась поражением СССР, что и создало необходимые предпосылки для:

- распада коммунистической империи;
- возникновения РФ в ее современных границах и формате.

Вот почему праздник.

Можно, конечно, назвать еще памятные даты, способные претендовать на большой праздничный статус.

15 марта (1990) – день, когда Михаил Горбачев избрался президентом СССР, отодвинув тем самым от власти идеократические структуры КПСС. Этот шаг означал, что Советский Союз больше не строит коммунизм, не реализует проект «развитого социализма». А значит, и сам по себе более не нужен. Поскольку главный смысл существования СССР – согласитесь, государство с таким названием могло бы сформироваться в любой части мира – состоял в коммунистическом проекте. Нет проекта – нет и СССР, что очень хорошо поняли тогдашние элиты союзных республик.

21 августа (1991) – дата краха ГКЧП СССР, когда союзный центр полностью лишился реальной власти. И роспуск Империи стал тактико-техническим вопросом.

4 октября (1993) – день расстрела по приказу Бориса Ельцина последнего советского парламента, из чего возник новый конституционный РФ-строй.

Так или иначе, как мы видим, рождение России по смыслу вытекает из гибели СССР. РФ родилась в войне с Советским Союзом, которую выиграла. Россию, как и США с Европой, можно считать бенефициаром холодной войны. И в принципе, РФ при наличии стратегического желания могла бы создать с Америкой и ЕС коалицию держав-победительниц.

В том и состоит одна из важнейших внутренних проблем, которые испытывает сегодня РФ. С одной стороны, она – формальный правопреемник СССР, наследующий его ядерное оружие, постоянное кресло в Совете Безопасности ООН и остаточные сверхдержавные амбиции. И заодно большую часть советской символики, поскольку новой за минувшие четверть века придумать почти не удалось. А если удалось – получилось как-то коряво и неубедительно, подобно 4 ноября.

С другой стороны, Российская Федерация – это анти-СССР. И не только по способу своего возникновения, но и по содержанию. Советский Союз опирался на: примат единой государственной идеологии; коллективизм; закрытость; низкий уровень коррупции; войска и военно-промышленный комплекс. РФ стоит на: отсутствии государственной идеологии; индивидуализме; относительной (изначальной) открытости; тотальной коррупции; сырьевом комплексе.

Российская Федерация – это типичный Эдип, убивший отца своего. Но отказывающийся этот факт признавать. Наш Эдип отрицает свою роль в гибели Лая, ежегодно оплакивает его и любит порассуждать о том, как хорошо бы отцу воскреснуть.

Зависнув между фантомной (существующей только в нашем болезненном пассаистском сознании) империей и несложившимся (пока что) национальным государством, РФ впала в тяжкий кризис идентичности. Что и породило нынешние локально-глобальные выкрутасы имени президента Путина.

Оборона тупика

Когда Владимир Путин говорит, что нимало не возрождает империю и не ищет для своей страны исключительного места в мире (см. в том числе речь на недавнем Валдайском форуме – 2014 в Сочи), он не лукавит. Он действительно занят не нападением, а обороной. Обороной исторического тупика, в котором оказалась РФ.

К середине второго десятилетия XXI века зримо ощутилось, что у страны нет ни доминирующей идеи, ни образа будущего. Она способна (хочет) только застыть в ее нынешнем состоянии и летаргически просидеть в нем сто лет. Но это невозможно, потому что быстро и бурно развивается окружающий мир. Ставя перед Россией, хочет она того или нет, все новые и новые вызовы.

Как же обеспечить нам безопасный и комфортный летаргический сон? Все очевидно: четырьмя способами.

1. Объявить единой и единственной национальной идеей наш главный tangible asset – Владимира Путина.

2. Придумать, что США пытаются нас расчлениить и уничтожить (с помощью Украины и вообще). И потому последний смысл нашего существования – противостоять этому расчленению. Любой ценой. Гарантия нерасчленения – существование Путина (см. пункт 1). Пока он жив, жива и Россия, о чем на сочинском «Валдае» сказано в открытую. Остальное второстепенно или вовсе не важно.

3. Убедить себя в том, что тот самый бурный окружающий мир катится в бездну, а мы – тихая гавань. В которой никогда не будет легализованных гей-браков и прочей социокультурной ерунды.

4. Соорудить быстренько некую Берлинскую стену light – чтобы она по возможности спрятала от наших натруженных глаз роковую (для нас) динамику окружающего мира.

Субъект обороны тупика – понятное дело, Путин, а главный инструмент обороны – шантаж окружающего мира большой войной: дескать, мы воевать не хотим, но в принципе готовы, так как нашему народу на миру и смерть красна. А вы, изнеженные гомофилы, не хотите и не готовы. Так что у нас заведомое военно-психологическое преимущество.

Мы победим.

Логика поражения

На самом деле мы, то есть нынешняя РФ, проиграем.

Всякий человек, корпорация и страна умирают не от старости и/или болезней, а по мере истощения жизненного задания. Так стало с СССР. К этому идет РФ в силу вышеозначенных причин.

Но, кроме всего прочего, современная логика «обороны тупика» – это поход против истории. А против истории не следует идти, потому что в ней всегда случается то, что должно произойти. Субъект же истории – Господь Бог, который не терпит неповиновения на длинной дистанции.

Путин и К^о так болезненно обращаются к прошлому, поскольку любой разговор о будущем для них концептуально невыносим. Но в карете прошлого далеко не уедешь, как правильно заметил драматический классик.

Кремль неслучайно так прикипел в последние годы к Великой Отечественной войне. И прославлению ее ветеранов, которых уже почти не осталось в живых. Путину чудится, что мы все еще живем в ялтинско-потсдамском мире, источником легитимности которого была Вторая мировая. О том, что нынешний миропорядок рожден уже Третьей мировой и 9 ноября (а не 9 мая), он, кажется, заставляет себя забыть.

Из нафталина вынимаются какие-то геополитические конструкции сугубо прошлых столетий, не имеющие отношения к актуальной современности: постоянные сферы влияния государств; тяжелые вооружения как источник власти; контроль над территориями как заведомое условие национального выживания.

В то время как в этом мире имени 9 ноября власть достигается с помощью экспорта идей, моделей и технологий, а не сухопутными войсками, оккупирующими те или иные территории. Но поскольку у нас нет идей, моделей и технологий, то мы предпочитаем впасть в отрицание современности.

(К тому же в 2003 году началась Эра Водолея, которая предполагает максимальную открытость и унификацию мира. Россия, страна Водолея, вдруг решила пойти еще и против собственной эры.)

Это все не получится. Вопрос лишь в том, сколько времени осталось до поражения. И сколько мы все за это заплатим.

А победителем в войне, как и 25 лет назад, окажется Россия. Следующая Россия – национальное государство европейского образца.

2014 г.

Справка ФСБ о Владимире Путине

«За Путина!»

Всегда приятно, когда твою позицию публично поддерживает президент твоей же страны. 12 мая 2011 года Дмитрий Медведев сказал про «Общенациональный народный фронт», создаваемый под водительством Владимира Путина, буквально следующее:

«Я понимаю мотивы партии (очевидно, «Единой России». – С. Б.), которая хочет восстановить свое влияние в стране, создание такого альянса укладывается в рамки и объяснимо с точки зрения избирательных технологий».

А чуть раньше, 9 мая 2011 года, Станислав Белковский, то есть я, написал в «Московском комсомольце» вот такое:

«“Народный фронт” – точное повторение технологии 2007 года, когда точно так же создавали якобы массовое движение “За Путина!” во главе с адвокатом Павлом Астаховым и дояркой Натальей Агаповой. Движение было призвано показать, что если хочешь сохранения курса Путина – голосуй за “Единую Россию”, даже если она тебе не нравится. То же самое делают и сегодня, никаких оригинальных идей в Кремле не появилось. Движение “За Путина!”, по поводу создания которого поклонники русской демократии тоже хватились за сердце и обзывали его “путинской опричниной”, исчезло столь же стремительно, как и появилось, – сразу после думских выборов-2007. (Правда, одно публичное собрание “запутинцев” зафиксировано еще в ноябре 2008-го, но после него “опричнина” рассосалась вовсе). Так же случится и с “Народным фронтом”, вот увидите. Голый политехнологический проект, ничего больше. Правда, задача у “Народного фронта” посложнее будет, чем у пропавшего без вести движения “За Путина!”. Популярность “партии жуликов и воров” (в широком смысле) нынче куда меньше, чем 4 года назад. Да и “боль людей, беспокойство, что Путин уйдет” (так говорил в 2007-м главный “запутинец” Павел Астахов) куда-то подулечились. Народу, в общем, по фигу, уйдет Путин или не уйдет. Потому обеспечить “Единую Россию” большинство в следующей Думе, даже при всем остаточном обаянии путинского бренда и надмирном сверкании административного ресурса, будет ой как непросто. Хотя все равно – обеспечат. В избирательных комиссиях у нас, в конце концов, не дураки сидят».

Медведев и я солидарны в том, что не надо из-за «Народного фронта» переживать. Это под думские выборы и ненадолго. Спикер Госдумы Грызлов говорит, что «Народный фронт» будет выдвигать президента? Азохен вей, бояре! Адвокат Астахов говорил 4 года назад, что его движение намерено с 2008 г. контролировать «партию власти» и даже самоё власть. Ну и?

В принципе, может, этот «Народный фронт» на рубеже 2011/12 гг., находясь уже на стадии естественного умирания, прощально поддержит кремлевского кандидата в президенты. Но имя этого кандидата фронтовики узнают в Кремле. И на принятие соответствующего решения они не повлияют.

Обновление «Единой России»? Простите, а кто обновлять будет? ФНПР? РСПП? Карманный «Союз пенсионеров», созданный единороссами же? Всевозможные женщины и «афганцы», которые умели с середины 1990-х прислониться к любой «партии власти», начиная с черномырдинской НДР? Свежевозобновленный Минюстом «Конгресс русских общин» во главе Дмитрием Рогозиным, который обязательно создаст во Фронте представительство фиктивных националистов, – если, конечно, не добьется того, чтобы его сделали лидером предвыборного списка «Справедливой России»?

Правда, среди участников народно-фронтной оргии каким-то боком затесалось движение автомобилистов «Свобода выбора», которое до недавних пор имело неплохую репу-

тацию. Но автомобилисты всегда могут сказать в своё оправдание, что им взамен пообещали отмену транспортного налога и техосмотра одновременно. И это для них гораздо важнее, чем персональный состав российской власти. И с их логикой в данном случае даже можно вполне согласиться.

Но всё же – если б у меня была шляпа, я снял бы ее перед Кремлём. Ибо навязывать нам повестку дня – в первую голову, обсуждение совершенно не важных для страны и нас тем/сюжетов – он научился почти идеально. Сколько лет мы страдали над экзаменационным вопросом: кто станет преемником Путина? Прежде чем поняли: логика системы требовала выдвижения вместо номинального чекиста номинального либерала, то есть человека, похожего на Медведева. А если бы преемником стал не Медведев, всё равно при третьем президенте РФ всё было бы примерно так же, как и сейчас. Так из-за чего мы истекали клюквенным соком, дамы и господа?

И вот уже три года длится полемика, кто станет президентом-2012: Путин или Медведев? Ответ: без разницы. Скорее, Медведев, ибо того требует всё та же неумолимая логика системы, вытекающая из жизненно важных интересов элит. Но даже если Путин – то что? А нынче нам подбросили очередную дохлую крысу: «Народный фронт». И мы, стало быть, должны всё бросить и его обсуждать, как будто в нём есть что-то интересное и даже загадочное. А ничего в нём нет, поверьте мне. Во всяком случае, ничего нового/увлекательного.

Жизнь, граждане, коротка. Не надо тратить ее на обмусоливание чужой повестки дня. Надо перманентно создавать свою. Вон, посмотрите на успешных гражданских активистов последнего времени типа Евгении Чириковой / Алексея Навального. Они добились первичных успехов благодаря тому, что навязали стране свои вопросы, а не ввязывались в бесплодную полемику по поводу кремлёвских обманок и мистификаций.

Со своей стороны я предлагаю следующее: в качестве альтернативы «Общенациональному народному фронту» создать «Общенациональный народный тыл» (ОНТ). Который будет по факту состоять из всех жителей РФ, которым по тем или иным причинам не нравится путинский Фронт.

В рамках ОНТа будет обсуждаться не всякая политехнологическая ерунда, а только вопросы принципиальные, они же ОНТологические: будущее России; любовь; война; революция; искусство. Вещи, которые длиннее одной отдельно взятой жизни. Важнейшая же прикладная, то есть краткосрочная задача всех членов ОНТа – отсидеться в тылу 4 декабря 2011 года и ни в коем случае не ходить на так называемые думские выборы. По нескольким причинам:

1. Результат выборов от нас с вами не зависит, все равно посчитают, как надо;
2. «Оппозиционные» партии, которые пройдут в следующую Думу, ничем качественно не отличаются от «Единой России» и предадут своих избирателей во всех нужных Кремлю случаях;
3. Так называемая Государственная дума – не полноценный властный орган, а вынесенный законопроизводящий отдел администрации президента; так чего там выбирать?

Вместо похода на морозный фронт – останемся лучше в уютном тылу. Так и продлим, бог даст, нашу утлую жизнь, столь обильно расточаемую ныне на споры по несущественным поводам.

2011 г.

Путин: кровавый и еще кровавее

Посмотрел я тут «Манифест свободной России», подготовленный нашими статусными оппозиционерами к «Маршу миллионов» 12 июня. М-да...

Как сказал однажды В. В. Маяковский М. А. Светлову: «Я агитки писать умею, я и пишу, а вы не умеете, так и не беритесь».

Про орфографию и пунктуацию документа я лучше промолчу. Но сами программные тезисы манифеста (ничего, что я это святое слово начал со строчной буквы?) вштыривают нипадецки. Например, манифестуальное требование № 1: «отставка В. В. Путина как символа системы». Хотел бы в заданном контексте заметить, что:

– В. В. (сколько скрытого почтения, однако!) Путин в самые близкие годы в отставку не уйдет – значит, приоритетным такое требование быть не может, больше того, оно содержит в себе прямой и заведомый обман паствы;

– символ вообще не уходит на пенсию – он может быть только забыт/заброшен; постоянное нарочитое повторение оппозиционерами петушиного слова «Путин» ведет к чему угодно, только не к забвению этого бренда, в котором, если верить «лидерам народных протестов» (без кавычек здесь невозможно), все начала и концы.

Примерно столь же адекватной была реакция оппозиционеров на новую редакцию закона о митингах, подписанную Владимиром Путиным в пятницу, 8 июня 2012 года.

Особенно меня тронуло кричащее разочарование, с которым прогрессивная общественность встретила сам факт подписания. Словно были какие-то сомнения, что президент свое дело сделает, причем точно до 12 июня – очередного «Марша миллионов». А иначе зачем было устраивать гонку с экстренными голосованиями в Госдуме и Совете Федерации?

(Пользуясь случаем, хочу повторить имена благородных сенаторов, не поддержавших закон: «против» проголосовала Лариса Пономарева от Чукотского АО, покинула зал СФ Людмила Нарусова от Брянской области, воздержался Константин Добрынин из Архангельской области.)

Президент Путин продавил новую версию закона, ужесточающую санкции за неконвенциональное поведение на митингах, потому что он испытывает реальный страх перед русским народом. ВВП – классический русофоб *par excellence*. Дитя питерских болот, в котором живет генетическая память о 1917 годе, он не доверяет собственному народу и категорически не хочет, чтобы русские вышли из берегов. В его понимании русский бунт как был в веках бессмысленным и беспощадным, так и остался. И он в глубине души должен искренне возмущаться дурачками-оппозиционеришками, которые не дошли коллективным умишком до простой истины: энергию бунта оседлать не удастся, она сметет всех. Ей можно противопоставить только танки, но кто возьмет на себя такую ответственность? А чеченских спецподразделений, разбросанных от столичного «Президент-отеля» до Одинцовского района Московской области, на весь настоящий бунт не хватит. Путин хочет сказать: малятки, ограничивая вас в желании разбередить русскую народную душу, я предотвращаю большую кровь; неужели неясно?

Он не верит в возможность мирной революции на русской почве, и по-своему он (отчасти) прав. К тому же ВВП насмотрелся за последние 10 лет на нечто небывалое. Например, киевский Майдан, в реальность которого он не верил, искренне считая, что народ постоит до первых сильных морозов и разойдется. Две революции в Киргизии – в Киргизии! Ну и, конечно, на «арабскую весну», увенчавшуюся черенком от лопаты в отдельных деликатных местах Муаммара Каддафи. От этих зрительных впечатлений Путин и решил, как мне представляется, вернуться в Кремль: ведь если что, Дима не сдюжил бы. Слился бы.

Единственное, чего Путин не учитывает, – что в России за годы его правления сформировался класс русских образованных горожан (РОГов), который не хочет никаких погромов и расправ, а неизбежно желает, что все стало как в Европе. Именно этот класс – главная движущая сила протеста. И он может обеспечить мирную смену власти, пусть даже с революционными элементами (но не в формате чистой революции). И от РОГов, как от голливудской погони, Путину не уйти, как бы он ни заговаривал себя мантрой стабильности.

Ну и, конечно, новая редакция закона – это воплощение ценностей господствующей в РФ монетократии, т. е. власти денег. В этой системе всё должно, в конечном счете, упираться в деньги. Хочешь бузить – плати. Не можешь платить – не бузи.

Теперь посмотрим на последствия принятия закона о митингах. Оппозиция утверждает, что страна стремительным домкратом погружается во мрак тоталитаризма, Конституция РФ де-факто отменена, со дня на день начнется массовое производство народных автозаксов по северокорейской лицензии, а мужчин призывного возраста вызовут на сборы в спецназ МВД РФ, чтобы они разогнали и расфигачили себе подобных. Радикальных «лидеров протеста» вскорости загребнут пачками на общественные и прочие частные работы. В общем, кровавый режим совсем окровавел, как океанский закат, и лязг тюремных ключей скоро включат прямо в партитуру государственного гимна Российской Федерации – скорее всего, в припев.

Я же в позорном законе не вижу ничего плохого, кроме хорошего.

Во-первых, этот документ углубляет и усугубляет конфликт (если угодно, разрыв) между властью и РОГами (шире – активной частью российского общества). А это и есть ключевой перестроечный симптом. Повторю в 152-й раз (не для тупых, а чтобы самому не забыть): перестройка характеризуется, прежде всего, тем, что правящему режиму отказывают в доверии его выгодоприобретатели, те, кто благодаря этому режиму произрос и состоялся в жизни. Так что путинский закон еще пуще заводит нас в перестройку-2. Помните, на зрелой стадии горбачевской перестройки-1, в 1990-м, власти тоже приняли решение об ограничении митингов в пределах Садового кольца. Прогрессивная общественность того незапамятного разлива возмущалась почти так же, как мы плачемся сегодня. И?

Во-вторых, логика перестройки-2 предполагает, что страх перед радикальным протестом (а закон продиктован именно страхом) должен компенсироваться уступками протесту нерадикальному. Что и случилось у нас с декабря 2011 года. Да, новые электоральные законы половинчатые и лукавые, но, в любом случае, это гораздо лучше, чем было до того, и больше всего, о чем мы всего год назад могли мечтать. Стало быть, митинговый закон – провозвестник уступок власти в других сферах, а это весьма неплохо.

В-третьих, очередной удар по Конституции – благо. Ельцинская Конституция 1993 года безнадежно устарела и исчерпала себя. Если мы идем в Европу, нам нужна парламентская демократия (возможно, в формате конституционной монархии) и, потому, новый Основной закон. Исходя из этого: чем меньше авторитет действующей Конституции, тем лучше. (Вообще, меня, мягко говоря, удивляют наши оппозиционеры, ретиво защищающие нынешний Основной закон, под сенью которого и возникли все условия для становления развитого ельцинизма-путинизма).

В-четвертых, ни мирный, ни радикальный протест никуда не исчезнут, невзирая ни на какой закон. На этом тезисе я хотел бы остановиться чуть подробнее. С подтезисами.

А) Из истории известно, что нежесткие ограничения – а новый закон действительно жестким не назовешь, между понятиями «штраф» и «расстрел» есть сущностная разница – только усугубляют желание ограничиваемых протестовать. Так будет и в России, здесь и сейчас. Т. е. Путин выступил рекламным агентом протестов, что с ним и раньше не раз бывало (вспомним фразу про бандерлогов, во многом поднявшую РОГов с декабрьских диванов на дымящийся проспект Сахарова).

Б) Что касается радикального протеста. И здесь новая редакция закона о митингах сыграет стимулирующую роль. А что радикалов будут серьезнее винтить и сажать (хотя из путинской бумаги это напрямую не вытекает)? Так неужели кто-то не понимает, что этого им и надо?

Из всех формальных оппозиционных лидеров единственный онтологически чуткий – Эдуард Лимонов. (Пришло мне время его воспеть, а то давно не виделись.) Лимоновский лозунг «Да, смерть!» (хоть и позаимствованный слегка у испанских фалангистов, но в данном случае это неважно) – куда интереснее и глубже, чем кажется на первый поверхностный взгляд. Основатель НБП, как художник, понимает, что стремление к смерти так же присуще человеку, как и страх смерти. Эти два инстинкта дополняют друг друга до целого. Ибо только смерть востребует человека полностью, на все нешуточные 100 %. В момент смерти – и только в эту минуту – человек абсолютно равен сам себе. («Все слиняло, один голый человек остался» – © М. Горький). И ошибаются те, кто считает, что Лимонов подставляет молодых нацболов, отправляя их на акции с тюремным исходом. Напротив – он дает им настоящий и единственный шанс. Одно дело – жить безвестно в провинции, тянуть ляжку и сдохнуть в 30 лет от дешевых наркотиков. Совсем иное – ворваться на всем скаку в приемную президента РФ и при всем честном народе огрести суперпочетные 2 года тюрьмы. С элементами настоящей славы. Для провинциала любого рода, мечтающего об изменении участи, выбор очевиден. А, как сказал нелюбимый Владимиром Путиным народ-языкотворец, «на миру и смерть красна».

Так что радикальный оппозиционер, он же экстремист, сидит потому, что хочет сидеть. Иначе у него изменится гормональный фон и рассосется чувство внутренней гармонии, без которого любая политическая борьба бесполезна.

Конечно, настоящие суровые репрессии – типа повального выкашивания народных масс пулеметами – закрыли бы тему протестов на определенное время. А так...

Итого: новая редакция закона о митингах в основном отвечает целям и задачам перестройки-2, которую мы нынче переживаем. Слава Богу. Все идет своим чередом.

2012 г.

Справка ФСБ о Владимире Путине

Помните старую шутку, что главный персонаж картины Пикассо «Девочка на шаре» – это мужчина на кубе? (Скорее всего, имелся в виду не Фидель Кастро, хотя и он, возможно, тоже.) Сюда же можно приплести не менее опытный анекдот про пьяного ворошиловского стрелка, который никак не может понять, почему в центре Москвы стоит памятник Пушкину, если попал Дантес.

Это я вот к чему.

Хотя 60 лет 7 октября (между прочим, в день образования ГДР) исполняется президенту РФ Владимиру Путину, эту статейку я начну не с него, а с себя.

Разочаровавшись некоторое время назад в российской оппозиции и вообще в политических технологиях как способе трансформации наличной (и безналичной) политической реальности, я решил, от греха подальше, стать простым писателем. Это, конечно, скажете вы, типично русский путь. Но с одной атипичной деталью: я решил стать сразу не русским, а немецким писателем.

Я посчитал, что русских писателей, во-первых, и так до фига, а человеку в возрасте не следует заведомо теряться в толпе. Во-вторых, почти все наши русские писатели недавно примкнули к оппозиции, и это значит, что мне, пусть даже как их наимладшему брату (своего рода Иванушке-дурачку семитского замеса), придется снова вернуться туда, откуда недавно ушел. А я, несмотря на повышенный интерес ко всему немецкому (особенно медицине), всегда неоднозначно относился к теории вечного возвращения.

Потому ваш покорный слуга написал и решил издать в Германии совершенно немецкую книгу о нынешнем юбиляре – Владимире Путине. Вы будете смеяться, она скоро увидит свет. (И, наверное, ужаснется от этого ослепительного зрелища.)

Дело здесь не только в том, что есть информповод (юбилей), а немцы относятся к ВВП особенно трепетно, ошибочно полагая, что он хорошо владеет немецким языком. Но и в том, что я давно знаю: неплохо продаются только такие русские человеческие бренды: «В. В. Путин» и «К. А. Собчак». С недавних пор еще – Pussy Riot, но про них уже напишет следующее (после меня) поколение начинающих писателей.

С К. А. Собчак я знаком очень мало, и потому писать о ней мне страшновато. С В. В. Путиным я вообще практически не знаком, потому могу писать о нем все, что угодно, в любом объеме. Согласно одному из законов Сирила Паркинсона, только два человека идеально представляют себе миллиард долларов: миллиардер и нищий. Вот в роли этого самого нищего – по отношению к объекту изучения, то есть В. В. Путину, – я и решил выступить.

Ниже я – в рекламных целях – привожу один-единственный фрагмент этой книги. Он основан на изысканиях моей личной структуры ФСБ (Фонд Станислава Белковского) в области астрополитологии. То есть новой, стремительно набирающей влияние научной дисциплины, позволяющей объяснить отечественную и мировую политику с сугубо астрологических позиций.

Итак, поехали.

«Есть науки серьезные, а есть – не очень.

Я как политолог (если можно так выразиться) к числу вторых, то есть не очень серьезных, отношу, например, политологию.

Нет, конечно, все в этой науке рассчитано, расписано, расчислено и систематизировано. И про общественные структуры мы всё знаем, и про политические системы, и про сломы социальных поверхностей, и про плоский мир в информационном обществе. Если бы в мире не было политологов, – а все мировые вузы ежегодно выпускают их явно больше, чем в зоопарках Земли рождается обезьян, – то давно обанкротились бы крупнейшие кейтеринг-

говые компании. Которые обслуживают сегодня сотни политологических и приравненных к ним конференций по всему миру. Заодно и поставщики кофе серьезно бы пострадали. Ибо coffee break – точка экстремума любой политологии, а кульминация ее – фуршет.

Так что пока у Nescafé есть еще деньги, чтобы снимать в рекламе самого Джорджа Клуни, наука политология не умрет, соответствующие факультеты и кафедры не закроются. Слава богу.

В то же время я не могу предательски (по отношению к номинальным коллегам) не констатировать, что современный специалист нашего медального профиля вообще, как правило, в девяти случаях из десяти не может делать правильных выводов. Во всяком случае, таких, что рассматривались бы как научные хотя бы в приблизительном смысле слова.

По двум системообразующим (дискурсообразующим) причинам.

А) Истинный политологический вывод может быть сделан только на базе строго конфиденциальной информации, которой у меня/моих коллег нет и быть не может. Только очень наивный профессор из Гарварда или Йеля способен считать, что истекающий важностью сенатор или всемирно известный продавец пылесосов приглашает его на закрытый ленч в какой-нибудь дубовой комнате отеля “Плаза” (NY, NY), чтобы рассказать скрытую правду, доступную только посвященным, но не профанам. В таких случаях нашего брата чаще всего пичкают откровенной дезинформацией в надежде, что мы на следующий день расскажем все на ухо, по большому секрету знакомому обозревателю The Washington Post – и, соответственно, утечка пойдет-поедет, постепенно разойдется, и великий обман общественности удастся на славу. Стоимость же обмана не превысит \$70 с человека, которые (со скидкой) попросит издавшая и не такие виды дубовая комната. Впрочем, иногда пылесосный король может рассказать и некую глубоко научную правду о романе султана Брунея с его собственной карликовой черепахой, но это означает лишь одно: организатор ленча активно употребляет в пищу плоды переработки пейотля; а хорошо это или плохо – Бог весть, ибо здесь уже никакая наука, даже медицинская, не в курсе дела.

Б) Классический политолог призван и обязан рассуждать, опираясь на старые тенденции, которые в момент рассуждения как раз и меняются, причем никого не предупредив. И прознать про качественное изменение наш вальжанный брат может лишь после, но не до. Характерный пример: за считанные месяцы до начала череды забавно-кровавых революций в странах MENA, то есть “арабской весны”, подавляющее большинство маститых специалистов утверждало, что старые светские клептократы в Египте, Тунисе и К^о продержатся еще долго, так как: им, по большому историческому счету, нет альтернативы; элиты консолидированы; у радикальных перемен нет сколько-нибудь осязаемой социальной базы; да и вообще никто, совсем никто не хочет прихода к власти исламистов. Но вскоре череда революций грянула, социальная база сразу откуда-то взялась (нашлась), египетский менеджер Google Ваэль Гоним стал человеком года по версии журнала Time, а исламисты через год пришли к власти, никого, особенно политологов, и не спросив. И тогда мы с коллегами, следуя бессмертному принципу Уинстона Черчилля, объяснили всему миру, почему наш предыдущий прогноз, оказавшийся неверным, на самом деле был верен, как никогда и нигде. Получилось ли у нас – судить вам.

Поэтому, когда ваш автор приходит домой и снимает мундир политолога, крепко сшитый в кремлевском ателье № 5, что расположено в самом центре Москвы, в Третьяковском проезде, прямо напротив бутика Rolls-Royce, он предпринимает попытку разобраться в реальности с помощью чуть более надежных дисциплин, чем политология. Например, астрологии.

Звезды я любил с детства. Еще в 70-х годах XX века, когда моя бабушка водила меня гулять в затевавшихся сумерках по легендарному Чапаевскому парку на северо-западе Москвы (там теперь находится типа элитный дом «Триумф Палас»), я сразу, как только

все становилось совершенно *deep purple*, выхватывал взглядом с неба одну-единственную звезду. (В Советском Союзе все было в дефиците: и водка, и колбаса, и звезды небесные.)

– Что это, бабушка? – однажды спросил я.

– Венера, – ответила бабушка. – Запомни: если видишь в небе одну, только одну звезду, это и есть Венера. Она первая загорается.

Потом-то, конечно, я узнал, что Венера – это никакая не звезда, а всего лишь планета, да еще Солнечной системы. И расположена она от Земли, в сущности, не дальше, чем один микрорайон Большой Москвы от другого, например, Северное Митино от Южного Бутова. Особенно в базарный день.

И я предложил бы проанализировать нашего юбиляра именно с астрологических позиций. Поверьте, друзья: это достаточно надежный компас. Ориентируясь по звездной карте загадочного российского лидера, можно сделать определенные выводы и не участвуя в бесконечных поездках на Валдай или Сочи. Хотя на мероприятиях, организуемых во имя введения нашего брата в заблуждение, в православной России кормят и поят ну прямо как на убой. И совсем вопреки протестантскому аскетизму дубовых комнат Нью-Йорка. Так что стоит делать и то, и другое. В смысле: и смотреть на звезды, и отвлекаться от них ради путинских валтасаровых пиров.

Впрочем, здесь все особое дело скорее в супруге Путина Людмиле Александровне (урожденной Шкробневой). Которая, как утверждают, заразила этим увлечением мужа Владимира. Поэтому нынешний президент не только поверяет реальность раскладами звездного неба, но и нередко принимает решения под влиянием звезд. А значит, и нам туда же дорога.

Прежде мы с вами уже обсуждали, что Путин родился в 1952-м, в год Дракона. Это значит, что Путин умеет, как минимум, изображать власть и быстро убеждать окружающих, что именно он и есть власть. (Скажем, у его формального преемника Дмитрия Медведева это никогда не получалось, сколько бы он ни надувал румяные щеки, ни вытягивал стрункой флейту-позвоночник и ни требовал от его подчиненных “отливать его высказывания в граните” – довольно странное, кстати, пожелание для человека, выросшего в семье профессора химии.)

Вместе с тем Путин – Дракон не вполне классический. Он скорее любит атрибуты власти, чем самоё власть. То есть – ритуал власти, ее дворцы, бронированные автомобили, самолеты с золотыми унитазами. Приемы с лучшим шампанским. Но не власть как функцию безграничного владения людскими умами и душами. Отправление функции власти его, по свидетельствам многих очевидцев, сильно утомляет. Чего с Драконом быть не должно. Кроме того, стандартный Дракон всегда бессознательно чувствует собственную исключительность – неслучайно в нашей дарвиновской природе нет настоящего животного, соответствующего этому тотему.

Именно поэтому классический Дракон – скорее одиночка, не тяготеющий к командной игре. (Многими это воспринимается как социопатия, диссоциальное расстройство личности, что нередко тоже оказывается правдой.) Путин же нет – он скорее командный лидер. И не чурается “положить живот за други своя”, если это действительно необходимо не только по большой политике и/или бизнесу, но и по простой человеческой дружбе.

Неполное служебное соответствие Владимира Путина статусу и образу Дракона заставляет вновь задуматься над страшной версией, согласно которой дата рождения нашего героя фальсифицирована, на самом деле он появился на свет в 1950 году, а Владимир Спиридонович Путин – не родной его отец. Но это леденящее душу предположение мы обсудим отдельно, как-нибудь потом.

Хотя есть в характере Путина и нечто абсолютно, совершенно, неисцелимо драконье. Первая заповедь типичного Дракона как вождя – нельзя суетиться, а это включает паузы перед принятием решений, отказ принимать решения под давлением (не важно, врагов или

друзей), а также некую общую загадочность, ибо ожидание напрягает подданных и как бы лишает их уверенности в чем бы то ни было, прежде же всего – в способности рационально понимать и просчитывать волевые интенции босса. Не говоря уже о его чисто конкретных решениях.

Простой пример: сколько раз Путин твердо обещал друзьям/соратникам/близким сотрудникам назначить их на какие-то важные должности только для того, чтобы наутро они узнали из газет: назначен кто-то совсем другой, зачастую вовсе уж несусветный. Вспомним сентябрь 2007 года. Премьер-министр России Михаил Фрадков, прозванный Винни-Пухом за откровенное внешнее сходство с популярным сказочным персонажем, ожидаемо подает в отставку. Путин на прощание награждает его орденом “За заслуги перед Отечеством I степени”, который до некоторых пор, в полном соответствии со своим формальным уставом (статутом), считался символом президентской власти и простым смертным вовсе не вручался. Все практически уверены, что новым главой федерального правительства (а заодно и путинским наследником-преемником) станет первый вице-премьер, бывший аналитик советской внешней разведки по шведским делам (Полтавская битва и т. п.) Сергей Иванов. Больше того: в этом совершенно уверен и сам Иванов. Он уже вовсю готовится принимать поздравления, а секретариат первого вице-премьера судорожно закупает ящиками водку класса premium и дорогие коньяки. И вот около 15:00 оглашается высочайший указ: премьером будет некий Виктор Зубков, 69 лет от роду, бывший директор совхоза, проработавший несколько лет руководителем Российской финансовой разведки (почему? Бог, опять же, весть) и только что собравшийся совсем уж выходить на пенсию. Искавший себе пенсионную синектуру где-то в крошечном Совете Федерации.

Немая сцена.

Очень стоит обратить внимание и на другой путинский тотем – Барсука, которого президент России здорово напоминает внешне. (Несмотря на все пройденные им за последние годы косметологические процедуры.) У Барсуков (я об этом писал еще в 2004 году в “Комсомольской правде”) всегда множество решений и тайных лазеек, они, можно сказать, следователи по жизни. Характер достаточно тяжелый, что сполна испытали на себе президентские родные и близкие. К таким людям непросто подобрать ключи: они по своему глубинному разумению делят мир на своих и чужих, при этом рассчитывая в основном на собственные силы. (Вот для Бориса Ельцина, например, своих и чужих почти не было. Он мог в одночасье простить врага, назначив его на высокий пост, и слить в утиль как бы закадычного друга.) Они также склонны многое делать исподтишка. Подобные личности всегда стремятся довести дело до конца, хотя по их внешнему виду и поступкам иногда очень трудно судить, чем же они, собственно, занимаются. Значимые дела подобные люди могут хранить в тайне даже от самых близких. (Вспомним описанную историю с Ивановым/Фрадковым, эпопею с назначением преемника-2008 и многочисленные инсинуации-2011 на тему, останется ли все-таки Медведев на второй срок.) От природы Барсуки крайне недоверчивы и подозрительны.

Барсуки – консерваторы, не склонные предавать забвению прошлое, даже не имеющее практического смысла. Тех, кто ему препятствует, Барсук убирает без дополнительного шума. Во всем он стремится хранить конфиденциальность – настолько, насколько это вообще возможно.

Но вернемся к драконьей ипостаси нашего юбилейного президента.

Как и предупреждала ФСБ, текущий год Черного дракона – самый удачный в жизни Владимира Путина. Вот лишь несколько доказательств.

Март: безоговорочная победа на выборах президента. Оппозиция, зачарованная массовостью Болотных площадей и проспектов Сахарова, грозит путинскому триумфу что-то противопоставить, но ничего не может (“сливает протест”, как сказал бы мой будущий, русский и старший коллега Эдуард Лимонов).

Май: самый прокремлевский футбольный клуб Европы, лондонский “Челси” выигрывает по пенальти финал Лиги чемпионов УЕФА, хотя играет гораздо хуже соперника – мюнхенской “Баварии”.

Июль: сам факт однодневного визита Путина в Лондон во время Олимпийских игр оборачивается серией побед российских мастеров дзюдо, любимого президентского вида спорта.

Август: противник Путина Борис Березовский с треском проигрывает в том же Лондоне иск на \$5,6 млрд другу и партнеру нашего дракона Роману Абрамовичу. Причем судья баронесса Глостер не оставляет Березовскому ни единого шанса, обвинив его в self-delusion – нарочитом самообмане и стремлении продать свои иллюзии под видом реальности.

Октябрь: ненавистный ВВП Михаил Саакашвили столь же убедительно проигрывает парламентские выборы в собственной Грузии, к чему еще недавно никто не готовился.

Лучших подарков на юбилей Путин не мог и ожидать.

Как сказал он сам в давнее время (2007-й): “Я самый богатый человек мира, ибо я коллекционирую эмоции”. Уйди в отставку, Владимир, лучше не скажешь! Несомый крыльями удачи, президент РФ будет вкушать ее сладостные плоды где-то до конца января – начала марта 2013-го.

А потом...

Специалисты ФСБ считают, что начнутся серьезные проблемы. На 61-м году жизни был убит Троцкий, стал жертвой покушения Папа Римский Иоанн Павел II, много еще чего произошло с разными знаменитыми людьми. И если Греция к тому моменту выйдет из зоны евро, резко ускорится отток капитала из России, упадут цены на нефть, еще пуще нынешнего сократится потребление российского газа (за счет сланцевого бума и перехода на спотовый рынок), грянут несколько внушительных техногенных катастроф, прокиснет ботокс на кремлевских складах...

Ну, вы понимаете. Поскольку у нас тут ФСБ, не будем дальше уточнять и дешифровать. Никакая удача не бывает вечной, особенно в политике. И закладываться исключительно на нее, к чему, похоже, стремится юбиляр, неразумно.

Но и критиковать его слишком жестко за это – бессмысленно. Ведь он – дитя и одновременно сторож российской системы монетократии (власти денег), которая стоит на трех китах: деньгах, технологиях и фарте. И нельзя заставить Путина, да еще под самое его 60-летие, перестать верить в фарт. Который сопровождал его большую часть политической жизни.

Мы ж не звери.

Иначе он любил бы нас, ибо любит по-настоящему только животных. Они в отличие от людей всегда приносили ему в благодарных зубах самую настоящую удачу».

2012 г.

Путин между Брежневым и Горбачевым

Многие наблюдатели/комментаторы пребывают в ужасе от давешнего (16 ноября 2012 года) выступления Владимира Путина на форуме «Петербургский диалог». Дескать, безо всяких особых усилий Путин сам себе организовал PR-катастрофу, не разобравшись в ложном антисемитизме группы Pussy Riot (она же бывшая «Война») и засыпав федерального канцлера Германии Ангелу Меркель странноватыми предложениями (типа обмена футбольными сборными).

Я же, хоть убейте (в хорошем смысле), никаких оснований для ужаса и паники не вижу. Мы столкнулись с фирменным путинским юмором, который совершенно рационален, прекрасно считывается и, не побоюсь этого слишком умного слова, деконструируется.

1. Говоря о том, что будущие участники панк-молебна в ХХС в некоем прошлом вешали в магазине чучело еврея, ВВП, на мой взгляд, хотел сказать примерно следующее. Вы считаете, что лидеры двух крупнейших стран должны обсуждать Pussy Riot? Нам больше заняться нечем? Ну тогда я вам задвину про антисемитизм, и расхлебывайте! Может, шутка получилась и неудачной, но мотивы ее ясны. И путинская некомпетентность здесь ни при чем.

2. Сюда же – предложение «подчеркнуть особый, доверительный стратегический характер отношений между Германией и Россией» и сделать так, чтобы на чемпионате мира 2018 года немецкая сборная выступила за Россию, а российская – за Германию. Путин добавил, что у спортсменов автоматически вырастает ответственность, когда они играют за чужую страну.

Никакого безумия, намек абсолютно ясен. Вы, друзья, лучше меня знаете, как управлять Россией? Хорошо, давайте поменяемся местами, они же роли. Я пока поручу Германией, благо язык ее еще не совсем забыл. А канцлершу Меркель посадим в Кремль. Посмотрим, как вы тут справитесь с моей страной и особенно – с моим народом.

3. На самом деле настоящее хамство за гранью фола Путин позволил себе лишь однажды. Когда сказал: «По поводу того, что “нет такого немца, который являлся бы абсолютным образцом для нас”. Есть такой немец – это госпожа федеральный канцлер».

Понимающим, что есть нордическая красота, оставалось только густо покраснеть.

Этот, с позволения, гэг – явный продукт обучения у Сильвио Берлускони. В 2005 году Берлускони, будучи премьер-министром Италии, заявил, что добился переноса Европейского агентства по продовольственной безопасности из Хельсинки в Парму, приударив за президентом Финляндии Тарьей Халонен. Как у них там в Европе водится, грянул публичный скандал. И тогда путинский друг, чтобы исправить положение, сказал нечто следующее: все, кто когда-нибудь видел Тарью Халонен, понимают, что я пошутил. Разразился скандал вдвое больший.

Так что Путин, иронизируя по поводу немецких образцов, прошел по лезвию бритвы. Другое дело, что прогрессивная общественность, полностью сконцентрированная на Pussy Riot, этого не заметила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.